

1. Место родины — Москва.
2. Вероисповедания — Православного.
3. Грамотность или место воспитания — Окончила 5-ю женскую Московскую гимназию и Высшие женские курсы в г. Москве.
4. Был ли под судом и следствием — Нет.
5. Женат или холост, если женат — на ком — Деввица...».

Этот так называемый «Список о состоящем под гласным полицейским надзором» составлен 27 апреля 1911 года томским уездным исправником на революционерку, члена Московской организации РСДРП Варвару Николаевну Яковлеву перед высылкой ее в Нарым. Он длинный, этот «список», в нем 20 пунктов. Не будем приводить его весь, остановимся на первых вопросах-ответах.

лог», цель которой — оказать помощь в политическом просвещении пролетариата, пытались восстановить, сплотить, активизировать разгромленные партийные организации Москвы и прилегающих губерний. Не без успеха.

О том, кем приходился Яковлевой профессор Штернберг, полиции станет известно позднее. А вот о товарищах ее по революционной работе информация обширная, «благодаря» провокатору А. С. Романову (он пользовался доверием в большевистских кругах, входил в состав Мособлбюро РСДРП). Цецилия Зеликсон-Бобровская, Виктор Таратута, Александр Мандельштам, Александр Смирнов, еще многие, многие, с кем встречается Яковлева. С младшим братом Николаем Николаевичем тоже регулярно видится. У всех партийные ключки — «Фома», «Одиссей», «Яков Иванович»... Сама Яковлева среди революционеров известна как «Ольга Ивановна», «Вера», «В. Н.».

Донося, давая характеристики на партийцев жандармским властям, Романов призывал: «Обратите внимание на этих людей, иначе они делают много зла».

19 декабря 1910 года (к слову, в день рождения Варвары Николаевны) на конспиративной квартире по Б. Конюшковскому переулку, 8, были арестованы практически все члены инициативной группы большевиков по восстановлению Московского комитета РСДРП. Яковлева, когда нагрянула полиция, зачитывала черновой текст подготовленной листовки... На квартире у нее была обнаружена нелегальная литература, записная книжка с шифрами. Отрицать все было бессмысленно. Решение Особого совещания — выслать Яковлеву Варвару Николаевну в Нарымский край Томской губернии сроком на 4

несколько месяцев спустя была создана крепкая нелегальная большевистская организация. Начались занятия в партийной школе. «Москвичи» выступали в ней в роли преподавателей, Яковлева читала лекции по истории культуры и искусства.

Яковлева жила жизнью политссылки, принимала во всех делах колонии ссыльных участие, но прекрасно понимала, что настоящая полнокровная жизнь, главное ее дело — в России, в центре. Поэтому мысль о побеге не покидала ни на минуту.

Летом, в августе, всего на несколько дней приехал Штернберг. Прикинула вместе с мужем и товарищами по ссылке, решили: бежать ей целесообразнее не в навигацию, не на пароходе, а с наступлением зимы, когда морозы заворачивают под пятьдесят, дикий край погружается в спячку, когда бдительность, активность полицейских как бы цепенеет от лютой стужи. А пока нужно заготовить деньги для расчетов с ямщиками, надежными документами, теплой одеждой и терпением. И продолжать жить прежней жизнью.

Побег

В Нарыме, куда прибыла весной, она оказалась в одной компании со своими, с «москвичами» — Александром Владимировичем Мандельштамом, Александром Петровичем Смирновым, Ива-

ном Яковлевичем Жилиным. Среди революционеров-большевиков, невольных нарымчан, они были, пожалуй, самые опытные, самые бывалые, закаленные, да и по возрасту самые старшие. Мандельштаму и Смирнову — по 33, а Жилину — уже за сорок. Для ссыльной революционной молодежи друзья Яковлевой — яркий пример для подражания. Все участвовали в первой русской революции, тюрьмы и ссылки прошли, жили в эмиграции, встречались с Владимиром Ильичем Лениным, вели переписку с ним. Отличные конспираторы, пропагандисты, организаторы.

Весной одиннадцатого в ссылке активно работала группа молодых революционеров-ленинцев: Валерий Куйбышев, Михаил Васильев, Филипп Голощекин, Владимир Косарев, Александр Асаткин. Партишколу организовали, пропаганду среди местного населения вели, запрещенную литературу читали. Однако организации большевистской не было. Ее предстояло создать, готовить кадры революционеров-профессионалов в партийной школе, в кружках. Объединение сил опытных, закаленных в борьбе — «москвичей» (Яковлевой, Мандельштама, Жилина, Смирнова) — с молодыми во главе с Валерианом Куйбышевым дало свои плоды:

28 сентября она написала на имя министра внутренних дел прошение: заменить ей остающийся срок ссылки выездом за границу ввиду болезненного состояния. То ли действительно надеялась, что разрешат, то ли хотела таким образом усыпить бдительность надзирателей: раз подала бумагу самому господину министру, значит, будет ждать ответа. К слову, в высылке за границу Яковлевой было отказано, но, когда пришел ответ из департамента полиции, это уже не играло никакой роли: в ночь с 8 на 9 февраля 1912 года Варвара Яковлева из Нарыма бежала.

В воспоминаниях товарищей по ссылке этот побег описан обстоятельно.

Накануне побега Варвары Николаевны сказала больной, закрылась у себя в комнате. Приходивший с проверкой надзиратель слы-

шал от хозяйки и политссылных: «Болеет, лежит у себя в комнате». Надзиратель, удовлетворившись ответом, удалялся. Так несколько дней кряду, пока не заподозрил неладное.

А «больная» тем временем, сменив в трех деревянных лошадях, без больших приключений добралась в Томск, ночь переночевала в гостинице «Россия» и села в поезд, следующий в Москву. Извещенный открытой Штернберг ждал жену...

Полиция, надо заметить, дотошно интересовалась, как удалось выскользнуть из богом забытого, замеченного снегами заштатного городка Нарыма гласнонадзорной Яковлевой. И интересовалась не без успеха.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, точно, со слов Яковлевой, записано: она москвичка; верно, окончила гимназию и Высшие женские курсы; если не учитывать, что она атеистка, то да, вероисповедания православного. А вот ответы на следующие вопросы действительности не соответствовали. Во-первых, семейное положение у Яковлевой было не таким, как она называла в списке. Муж у нее был — профессор Московского университета астроном Павел Карлович Штернберг. Только в конспиративных целях это не афишировалось, наоборот, тщательно скрывалось. Во-вторых, «послужной» список двадцатилетней революционерки, которой предстояло отправиться в Нарымский край под гласный надзор полиции, был внушительным.

Семь лет уже она состояла в партии, четырежды подвергалась арестам. Еще до первой русской революции стала членом пропагандистской группы Московского комитета, вела работу в студенческих кружках, выступала на рабочих собраниях. А в дни декабрьского вооруженного восстания способнейшая курсистка, у которой, по мнению учителей-профессоров, идеальное пространственное воображение, талант математика и астронома, с оружием в руках дралась в составе боевой дружины на баррикадах.

И после подавления декабрьского вооруженного восстания, поражения революции Варвара Николаевна Яковлева, друзья ее не прекратили действовать. Поддерживали регулярную связь с заграничным партийным центром, продолжали печатать листовки, издали книгу «Рабочая библиотека».

Работник государственного масштаба.

После победы революции Яковлева — на страже ее завоеваний, один из ближайших соратников Дзержинского. В начале декабря она — член коллегии Наркомата внутренних дел. Несколько месяцев спустя по специальному решению ЦК партии Яковлева назначается заведующей отделом по борьбе с контрреволюцией при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Она возглавляет Петроградскую ЧК. Работа тяжелая, ответственная. В недавней столице много контрреволюционных организаций, саботажников. Яковлева нужна там. Однако она, работник государственного масштаба, требуется в Москве.

«Петроград, Гороховая, 2, Яковлевой».

Копия: Смольный, Зиновьеву.

Ваш приезд сюда необходим немедленно для центральной работы.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

Это телеграмма от 26 декабря 1918 года.

Яковлева задерживается. Видимо, не игнорирование партийной дисциплины, а уйма дел в Петроградской ЧК мешают ей выехать.

Через шесть дней Владимир Ильич направляет вторую телеграмму:

«Петроград, Гороховая, 2, Яковлевой».

Повторяю требование немедленного выезда. Поризцаю отяжки. Оставьте заместителя, кого хотите, например, Сергеева.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

Личные встречи с Владимиром Ильичем, обмен телеграммами с начала девятнадцатого года наиболее часты в связи с тем, что Яковлева назначена членом Наркомпрода. В стране голод, Яковлева регулярно телеграфирует вождю революции о нехватке вагонов, их задержке, пустых и загруженных продовольствием. Когда ее возможности что-то ускорить, подтолкнуть исчерпаны, просит помощи у Владимира Ильича. Речь идет о хлебе, а значит, о жизни миллионов голодающих...

Владимир Ильич лично рекомендовал Яковлеву в конце 1919 года после продолжительной беседы с ней на пост секретаря Московского комитета партии. С его ведома было назначено Яковлевой на должность секретаря Сиббюро ЦК РКП(б), затем — заведующей Главпрофобром.

Не всегда просто складывались отношения Владимира Ильича с В. Н. Яковлевой. Она примыкала в восемнадцатом году к «левым коммунистам», позднее занимала ошибочную позицию в дискуссии о профсоюзах. Это

не мешало Ленину ценить и уважать энергичного, грамотного партийного работника, не сомневался он в искренней преданности Яковлевой делу Коммунистической партии.

Одну за другой в годы гражданской войны пришлось пережить Варваре Николаевне две невосполнимые утраты: осенью 1918-го в Якутии, в Олекминской тайге, погиб от рук белогвардейцев брат — председатель Центросибиря Николай Николаевич Яковлев. В январе 1920-го умер муж комиссар Восточного фронта Павел Карлович Штернберг: переезжая на машине через Иртыш, провалились под лед. Выбрались, но простуда свела профессора-революционера в могилу...

Как ни тяжело, надо было жить, работать.

До тридцатого года Яковлева трудилась в тесном контакте с Надеждой Константиновной Крупской, была заместителем наркома просвещения РСФСР. Затем в течение семи лет — наркомом финансов РСФСР.

Это была ее последняя должность. 12 сентября 1937 года член партии с 1904 года, участница трех революций, делегат многих партийных съездов, член ВЦИК и ЦИК СССР, нарком финансов РСФСР Яковлева была арестована как «враг народа».

КАНДИДАТ педагогических наук Елена Ивановна Яковлева-Зольникова, младшая дочь Варвары Николаевны, живет в Новосибирске. Елена Ивановна делится воспоминаниями о матери.

— Жили на Малой Грузинской, в квартире родителей матери. Скромно, несмотря на ее высокое положение. Лишь после смерти деда в тридцать втором переехали в просторную квартиру в Сверчковском переулке. Жили небогато. Вся мебель — из бабушкиной квартиры. Очень-очень много книг, на них денег не жалели. Наркомовская зарплата небольшая. У Варвары Николаевны было два деловых костюма, к ним две блузки, выходное платье, старое кожаное пальто. Вот и весь гардероб... Тогда игра в теннис входила в моду. Мне тоже хотелось ракетку.

и я просила у мамы, а у нее денег не было. «Подожди, — говорила она, — напишу статью для «Экономической жизни», на гонорар куплю». Это просто к тому, что никаких излишеств не было...

Мама работала много, я ее почти не видела в будние дни. Уходила в школу, когда ее уже не было, а возвращалась она в десять-одиннадцать, иногда и в три ночи... В Архангельском была дача. Мама, когда ехали туда отдыхать, брала с собой портфель, полный бумаг, и там продолжала работать. Соседями в Архангельском были Бухарины, Ломовы, Артюхины, Крыленко...

Помню, в августе тридцать шестого мы с сестрой Ириной (она старше меня на одиннадцать лет, училась в МВТУ, заканчивала училище) отдыхали в Крыму. Когда закончился процесс над участниками так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра», а отец мой, Иван Никитич Смирнов, был одним из главных обвиняемых на этом процессе, Варвара Николаевна, взволнованная, внезапно появилась у нас. «Ну мог же ошибаться, заблуждаться, допускаю, но не шпион же, не шпион», — говорила про Ивана Никитича мама.

Тучи над самой Варварой Николаевной сгущались. Она это, конечно, чувствовала, старшая дочь — Ирина — тоже. Лена была еще для понимания всего происходящего вокруг слишком мала, ей в тридцать седьмом исполнилось двенадцать.

— Единственный странный разговор, заведенный старшей сестрой, помню, — продолжает рассказ Елена Ивановна, — Ирина спросила: «А что, если маму с работы снимут и мы будем жить хуже?» Снимут и снимут — меня должность мамина не волновала. Я так и ответила: «Ну и что, пусть снимут». Больше разговоров на такую тему вплоть до ареста мамы не было.

Отчетливо помнит Елена Ивановна, как забирали мать. Происходило это на ее глазах.

— Пришли трое мужчин и женщина. Мама, как увидела их, все поняла, сильно побледнела, сразу осела в кресло. Кто-то из пришедших сказал ей: «Отвинтите». — кивнув на ее орден Ленина...

И все. Больше не видела. Никогда.

Сохранился документ, в котором нарымский пристав Овсянников докладывал своему начальству «для сведений и соображений»:

«В бытность мою в последний раз в Томске, при явке к начальнику губернского жандармского управления подполковнику Мазурину, последний интересовался знать, кто вывез из Нарыма бежавшую поднадзорную Яковлеву и где бы она могла остановиться в Томске. В удовлетворение выказанного подполковником желания я агентурным путем узнал, что Яковлеву вывез из Нарыма до Колпашева проживающий в Нарыме же административно ссыльный Компанец... Компанец имеет свою лошадь и служит в настоящее время сторожем в Нарымской сельской лечебнице, заведующей коей состоит жена административно ссыльного Евгения Маловичко (жена революционера-большевика Ивана Ивановича Маловичко—В. П.)... Народная лечебница в теперешнем ее виде, с ее персоналом, представляет особое учреждение, где ссыльные чувствуют себя как дома, агенты же власти встречаются с видной неприязнью...».

В то время, когда писалась эта докладная, Варвара Николаевна была уже за пределами Российской империи. Ганновер (Германия), Париж, швейцарская деревушка Сонье — вот адреса ее жительство в течение четырнадцати месяцев. Нарымскую ссылку она не забывала. В письмах, адресованных Жилину, Куйбышеву (слог-то этих писем — зачитаешься, не оторвешься, недаром у нее, еще курсистки, преподаватели наряду с тематическим отмечали дар литературный), сообщала, ифруя отдельные места, как лежала из Нарыма. Не лишняя информация для готовящихся тайно покинуть места ссылки: ямщики на пути практически все свои: в Томске, если будет нужда, следует остановиться в гостинице, лучше ехать туда на извозчике от вокзала по прибытии поезда с запада: меньше подозрений, вроде как приехал по железной дороге в Томск. Информировала о положении дел в эмиграции, о недавно состоявшейся Пражской партконференции...

Она действительно нуждалась в лечении и лечилась. Много виделась с братом, который уже почти год жил в Германии.

А в начале 1913 года было возвращение на родину, предстояла работа агентом

ЦК партии по Центральному промышленному району. и Варвара Николаевна заезжала в Краков, где жили тогда Ленин и Крупская, условиться о деятельности, о связи. «Ильичи» (как часто в партийных большевистских кружках звали Владимира Ильича и Надежду Константиновну) после встречи помогли ей переправиться через границу.

Нужно было воссоздавать партийное подполье, организовывать актив редакции газеты «Наш путь». Она занималась этим, но недолго. 11 апреля «Туманная» — такой была кличка полицейского наблюдения Варвары Николаевны — опять была арестована. И опять приложил руку к этому провокатор Романов.

От Февраля к Октябрю

Вновь, в начале июня, она оказалась в знакомом нарымском захолустье. Только встреча с товарищами и оказалась приятной. Не было

уже среди них в Нарыме Куйбышева и Свердлова. У первого срок ссылки истек, второй бежал.

И у нее все мысли подчинены одной цели — бежать. Теперь уже, даже не дожидаясь зимы. Решено было: вместе с Жилиными они в конце навигации попытаются сесть на пароход до Томска. Будут надежные документы, будет грим, чтобы на пристани полицейские не узнали. Не на что особо надеяться, но не забыла написать и прошение об амнистии в связи с 300-летием дома Романовых... В хлопотах, связанных с подготовкой к побегу, время идет быстро. И вот они уже на берегу, ожидают пароход. Жилин на пристани актерствует в гриме, играет роль купца. Яковлева пока держится в стороне. Все, кажется, хорошо складывается. Но вот досада: с гримом вдруг у Жилина конфуз, борода отклеилась. Провал. Нужно возвращаться быстрее на свою квартиру, теперь проверка при посадке на пароход будет такая — мышь не проскользнет.

Побег сорвался, но что из того? Нужно готовить новый. Действовать с крайней осторожностью. Для полиции она — серьезная партийная работница ленинского центра. За ней следят, ее плотно опекают.

«Имею честь сообщить Вашему превосходительству, — донесил 8 ноября 1913 года начальник Томского губернского жандармского управления полковник Мазурин губернатору, —

что по не проверенным формальным порядком сведениям Яковлева предполагает бежать из места ссылки. В связи с этим пристав 5-го стана возложил на надзирателя Осипа Булашенона строго вести наблюдение».

И персональная надзирательская опека не помогла: в ночь на 23 декабря административно-ссыльная Варвара Яковлева второй раз бежала из Нарыма.

На свободе она была три недели. Ее арестовали при попытке пересечь границу. Снова в Нарым уже не вернули, отбывать оставшийся срок ссылки определили в Астраханской губернии.

Возможно, и в Енотаевске Варвара Николаевна не задержалась бы надолго. Она — видный большевик, кооптирована в члены Центрального Комитета. Партия готовила ее побег, однако начавшаяся первая мировая война перепутала планы. Из ссылки вырваться удалось, лишь полностью ее отбыв, летом 1916-го.

И сразу же, войдя в Московское областное бюро, включилась в активную политическую жизнь.

Полиция многочисленными систематическими арестами постоянно ослабляла бюро, для ведения работы в массах, для борьбы с меньшевиками, эсерами остро не хватало людей. Коренная москвичка, опытный старый партиец в свои тридцать два года, она знает всех революционеров, знает, на кого можно положиться, кому какое дело поручить. Андрей Сергеевич Бубнов, Евгений Маркович Альперович, Георгий Ипполитович Ломов, Иван Яковлевич Жилин, Владимир Михайлович Косарев, Александр Яковлевич Аросев — этих и других видных большевиков привле-

кает она к работе в областном бюро.

Еще приходилось соблюдать жесткую конспирацию, остерегаться полиции, нодыхание революции чувствовалось все явственнее. Последнее нелегальное собрание состоялось 27 февраля 1917 года на квартире врача-большевика Владимира Обуха. Все! Из столицы поступила весть о победе Февральской революции. Время действовать и московским большевикам.

Отныне таиться, скрывать, что Штернберг — ее муж, нет нужды, можно сколько угодно бывать на людях вместе. Но теперь как раз времени на личную жизнь — для мужа, для их трехлетней дочери Ирины — почти не остается. На пленуме, состоявшемся после областной конференции, Яковлева избрана секретарем Московского областного бюро.

Ответственной должностью! Мос-облбюро осуществляло руководство парторганизациями не только Московской области, но и тринадцати окрестных губерний — Тверской, Ярославской, Тульской, Смоленской, Воронежской, Орлов-

ской и других. Борьба против Государственного совещания и корниловщины, укрепление влияния в массах, создание Советов, молодежных и женских организаций, выпуск газет и журналов — все это дела Мособлбюро, лично Яковлевой. По заданию партии Яковлева вместе с Бубновым подготавливает к VI съезду РСДРП проект партийного Устава. (На съезде Устав с некоторыми поправками и изменениями был принят).

С августа курс взят на вооруженное восстание, деятельность московских большевиков целиком подчинена этому.

10 октября Яковлева в Петрограде участвовала в конспиративном заседании ЦК партии, где обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Решительно поддержала она Владимира Ильича Ленина — восстание назрело и неизбежно. А 14 октября Мособлбюро единодушно одобрило решение Центрального Комитета.

Яковлева с полным правом могла сказать накануне решающих событий: «Организации наши растут, влияние наше увеличивается». В октябре в областной парторганизации насчитывалось 70 тысяч членов. 25 октября на объединенном заседании Мособлбюро, городского и окружного комитетов РСДРП(б) был избран Боевой партийный центр по руководству восстанием, в состав которого вошла и В. Н. Яковлева. За несколько дней до объединенного заседания представители всех парторганизаций побывали в Москве, и Варвара Николаевна инструктировала их. Заранее оговорен был текст телеграмм, которые должны были послужить сигналом для выступления. 25 октября вечером секретарь Московского областного бюро, член Боевого партийного центра по руководству вооруженным восстанием Варвара Николаевна Яковлева разослала телеграммы с условленным текстом в адреса всех парторганизаций. До победы социалистической революции в

Петрограде оставались считанные часы. В Москве это произошло 2 ноября после недели ожесточенных боев.

Первая группа новобранцев из числа политических ссыльных прибыла в Томск в середине ноября 1916 года. В ней был и Иван Никитич. Еще в Нарыме ссыльные выработали программу своих действий в казармах и создали подпольную военную организацию, получившую название «Военно-социалистический союз». В его руководящий орган — комитет — был избран и И. Н. Смирнов. Наряду с большевиками в союз входили также эсеры, но ведущую роль играли большевики. Теоретиком союза был хорошо образованный марксист Н. Н. Яковлев, а душой организации являлся Иван Никитич.

Члены нелегального союза прекрасно сознавали, что в условиях военного времени за революционную работу в войсках грозила по меньшей мере каторга. Об этом бывших политссыльных предупредил уже в первый день их пребывания в Томском гарнизоне полковник Соколовский, выстроивший необычных новобранцев во дворе и битый час державший их на морозе.

Однако в тот же день члены комитета встретились с томскими подпольщиками, согласовали общий план действий. И работа закипела. В короткий срок удалось создать типографию. К концу декабря была напечатана первая листовка, за ней вторая, третья... Каждая тиражом в несколько тысяч экземпляров. Листовки эти распространялись не только в казармах 70-тысячного Томского гарнизона, но и в других городах Сибири. Военно-социалистический союз вырос до 200 человек. О его деятельности Н. Н. Яковлев сообщал 31 декабря 1916 г. в письме Н. К. Крупской в Цюрих, прибегнув к эзоповскому языку: «...Я вошел в компанию с несколькими товарищами, так сказать, законными москвичами и раздуваю с ними совместную кадильцу...». Между прочим, «Москвич» был одним из партийных псевдонимов И. Н. Смирнова.

Дни у Ивана Никитича были заполнены до предела. Казарменная муштра, нелегальные заседания комитета, составление и распространение листовок... А еще семейные заботы. Как там устроились жена, дети, вместе с ним переехавшие в Томск?

Ни И. Н. Смирнов, ни его товарищи не знали еще тогда, насколько они были близки к аресту. Царскими ищейками заведено уже было «Дело Военно-социалистического союза». С каждым днем оно пухло, во многом благодаря стараниям провокаторов Федоринова и Цветкова, которые значились в жандармском управлении под кличками «Томский» и «Иван». Особенно опасен был Цветков — провокатор с

пятилетним стажем, получавший за свою иудину работу 75 рублей в месяц. Уже был брошен в тюрьму один из руководителей союза И. Л. Наханович. Остальные оставались находиться на свободе считанные дни...

Но тут грянула Февральская революция.

Получив первые известия о свержении самодержавия, И. Н. Смирнов и другие руководители Военно-социалистического союза приняли решение поднять солдат на митинги и демонстрацию. Утром, 3 марта, они идут в казармы, сообщают о свержении царя, призывают поддержать восставших рабочих и солдат Петрограда. Офицеры прелятствуют, не останавливаясь перед применением оружия. Лишь счастливая случайность спасла в тот раз Ивана Никитича от пули золотопогонника.

К вечеру, 3 марта, вышел на демонстрацию 39-й полк, размещавшийся во дворе университета. Вперед красное знамя, поднятое на штыки (не успели сделать дривка). Навстречу — пехотинцы из Красных казарм. «Солдаты шли молча, — вспоминал И. Н. Смирнов, — не пели, ибо еще не знали революционных песен. С тротуаров публика кричала «Ура!»... Это была молчаливая демонстрация».

ЕГО СЛУШАЛИ ДАЖЕ ПРОТИВНИКИ

В тот же вечер руководители союза приняли решение о создании Совета. Иван Никитич вошел в комиссию по его организации. Первое заседание Совета солдатских депутатов Томского гарнизона состоялось 5 марта 1917 года. С докладом о работе комиссии выступил И. Н. Смирнов. На этом же собрании Иван Никитич был единогласно избран в исполком Совета вместе с большевиками Н. Н. Яковлевым, П. К. Голиковым, В. М. Косаревым и другими. Военно-социалистический союз прекратил свое существование, передав эстафету новому, уже легальному, органу.

Перелистаем протоколы Совета. В большинстве их упоминается имя И. Н. Смирнова. Иван Никитич — в числе основных докладчиков на заседаниях Совета. При его непосредственном участии решаются все сколько-нибудь важные и злободневные вопросы.

В конце марта революционные солдаты Томского гарнизона делегируют И. Н. Смирнова на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов в Петроград. Вернувшись в Томск, он выступил с докладом о совещании на специальном заседании Совета.

«Доклад произвел сильное впечатление и вызвал бурные аплодисменты, — сообщалось о нем в газетном отчете. — По предложению одного из товарищей была даже выражена особая благодарность докладчику». А оратором Иван Никитич был прекрасным. «Когда он на трибуне, его с удовольствием слушают даже противники», — писала газета «Знамя революции».

Иван Никитич был одним из немногих руководителей Совета, которые при избрании и переизбрании проходили в состав исполкома единогласно.

Активно сотрудничал он и в газете «Знамя революции», начиная с первого ее номера, увидевшего свет 1 июня 1917 года. Здесь была напечатана его статья «Как живет наша деревня». Затем в течение двух лишь месяцев вышло еще 9 номеров с его публикациями.

В августе 1917 года И. Н. Смирнов выехал в Москву. Там по предложению Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б) организовал партийное книгоиздательство «Волна». Но томичи не забыли о нем. Осенью 1917 года большевики Томска выдвинули кандидатуру Ивана Никитича для избрания в Учредительное собрание.

«ЗНАЮЩИЙ И СИБИРЬ, И ВОЕННОЕ ДЕЛО»

Летом 1918 года Советская Республика оказалась в кольце фронтов. Главным из них стал Восточный. Сюда, под Казань, посылает Центральный Комитет РКП(б) И. Н. Смирнова. На состоявшемся 26 августа под председательством В. И. Ленина заседании Совнаркома Иван Никитич вместе с А. П. Розенгольцем назначаются членами Реввоенсовета Восточного фронта.

А в декабре 1918 года — новое ответственное поручение. По решению Центрального Комитета создается Сибирское бюро ЦК РКП(б), призванное руководить большевистским подпольем края, борьбой трудящихся в тылу колчаковщины. Возглавить его было поручено И. Н. Смирнову и Ф. И. Голощенину (также бывшему нарымскому политссыльному). При непосредственном участии Ивана Никитича укрепляются сибирские нелегальные партийные организации, принимаются меры по развертыванию партизанского движения, направляются многочисленные связные в тыл противника.

Среди них были М. К. Аммосов, А. А. Карлов, Катя Федорова, побывавшие в Томске и встретившиеся с местными подпольщиками.

Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) была глубоко законспирирована, хотя основные его сотрудники, в том числе И. Н. Смирнов, находились на советской территории. Знали о ней немногие, даже не все члены Реввоенсовета. «Однажды, — вспоминал Иван Никитич, — меня спросил М. Н. Тухачевский, с которым мы работали в 5-й армии с марта по ноябрь 1919 г., каким образом мы знали о том, что делалось в тылу Колчака, что дало возможность бить противника наверняка. На это я мог ему ответить: мы это знали главным образом через Сиббюро».

Вместе с частями 5-й армии, членом Реввоенсовета которой состоял И. Н. Смирнов, он участвует в освобождении Сибири от колчаковщины. А в августе 1919 года, когда создается Сибирский революционный комитет — высший орган Советской власти в этом обширном крае, — становится еще и его председателем. Кроме того, на VIII съезде РКП(б) Иван Никитич избирается кандидатом в члены, а на IX — членом Центрального Комитета партии.

Вскоре после освобождения Томска от колчаковщины И. Н. Смирнов прибыл сюда вместе с работниками Реввоенсовета 5-й армии. Отсюда 18 января 1920 года была направлена телеграмма повстанцам и партизанам Восточной Сибири с приказом об аресте Колча-

ка. Первой на телеграмме стояла подпись И. Н. Смирнова. «Именем Революционной Советской России, Сибирский Революционный Комитет и Реввоенсовет 5-й армии объявляют изменника и предателя Рабоче-Крестьянской России Колчака врагом народа и вне закона, приказывают вам остановить поезд, арестовать весь штаб, взять Колчака живого или мертвого...».

После окончания гражданской войны И. Н. Смирнов работал секретарем Петроградского комитета и Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). Некоторое время руководил оборонной промышленностью страны, а затем был назначен народным комиссаром почт и телеграфов СССР.

В. И. Ленин высоко ценит Ивана Никитича, видел в нем хорошего организатора, ценного практического работника. В Полном собрании сочинений В. И. Ленина содержатся десятки телеграмм И. Н. Смирнову по самым разнообразным вопросам. Не раз был Иван Никитич и на приеме у вождя революции, беседовал с ним.

Вскоре затем арестовали Ирину Павловну. У Варвары Николаевны почерк был неразборчивый, старшая дочь переписывала набело многие ее бумаги. Поэтому Ирину Павловну судили не просто как дочь «врага народа», не донесшую на мать, а как пособницу, дали пять лет. Лена вдвоем с бабушкой были выселены из квартиры, в том же доме заняли маленькую комнатку. Так и жили — в неизвестности, в надеждах и ожиданиях. В начале войны бабушка умерла, Лену хотели поместить в детский дом. Она воспротивилась, уехала в Марининск, где отбывала срок старшая сестра. Ирина заменила младшей сестре мать.

— О маминной судьбе я не знала ровным счетом ничего после ее ареста ни год спустя, ни пять, ни десять. Просто верила, не могла не верить: она жива. А Ирине в первой половине сорок первого Варвара Николаевна прислала пять писем, — Елена Ивановна приносит эти письма. — О них я ничего не знала десятилетия. Вплоть до самой смерти сестры: она умерла сравнительно недавно. И после ее смерти я получила заказную бандероль с вложением писем Варвары Николаевны к Ирине. Письма посланы мамой из Орла в Марининск. Не знаю, почему на протяжении стольких лет Ирина Павловна ни разу не сказала мне об этих письмах, почему решила передать только перед самой своей смертью...

Читаю письма. Первое датировано 4 января 1941-го, последнее — 10 июня. На конверте последнего штемпель с датой «22.06.41».

«4.1.41 г. Доченьна, моя родная, дорогая моя Ирочка, два дня тому назад, 2/1, мне сообщили, что ты не раз справлялась обо мне в течение прошлого года, и указали твой адрес. Это дало мне столько счастья и радости, — а за эти с лишним 3 года я совсем отвыкла от этих чувств.

Дорогая моя, голубоньна, прежде всего я должна тебе объяснить, почему я не давала вестей о себе вам — ни тебе, ни Леночке с бабушкой. Я считала, что при настоящем положении вещей я, которая раньше обеспечивала вам нормальную жизнь и постоянно была на страже, чтоб прийти вам в нужную минуту на помощь, не только не могу вам быть ничем полезна, но больше того: могу лишь отягчить вашу жизнь, обременить вас заботой о себе. Потому я решила, что лучше я буду переживать моральные страдания, не зная ничего о вас, чем причиню вам реальное зло своей осой. Но теперь, поскольку ты сама ищешь меня, этот мотив отпадает... Была и вторая причина: я не знала, захотите ли вы знать что-нибудь обо мне и переписываться со мной. Не возмущайся и не сердись, что я так думала. Все зависит от того, как смотреть на вещи. И если бы ты так поступила, я бы не была в претензии; напротив, сочла бы это с известной точки зрения правильным...».

С известной точки зрения правильным... Тяжелое письмо. В то время действительно не так уж и редко отрекались от родителей. Варвара Николаевна боялась, что от нее отрекутся. Не отреклись. В Орловской тюрьме, может быть, это было для нее единственной радостью: узнать, что ее разыскивают, ищут с ней связи, не бояться получить «реальное зло».

Из другого письма от 8 апреля 41-го:

«Дорогая Ирочка, 2 письма написала тебе: 4/1 и 18/11. Ни на одно не получила ответа. В чем причина? Нет тебя в Марининске? В каком-либо другом месте ты или с тобой случилось что-либо плохое? Жива ли ты? Самые страшные мысли лезут в голову. И живут в ней непрестанно день и ночь... Когда только увижу хотя бы одну строчку, написанную тобой! Это все-таки какое-то физическое соприкосновение с тобой. В. Я.».

«10/V-1941. Дорогая моя Ирочка, все по-прежнему не получаю от тебя писем, и это гнетет меня. Я сама написала тебе 4 письма...».

Ирина получала письма, а Варвара Николаевна так и не получила ни одного. Видимо, что-то кому-то в Орловской тюрьме нужно было узнать от Яковлевой и предлагалось это в обмен на сведения о детях. Возможно. Если эти предположения верны, то это своего рода пытка.

В письмах Варвары Николаевны ни слова о трех годах жизни в неволе. Всюду — «Обо мне ты не беспокойся. Я здорова, физически достаточно крепка...», рассказы о том, что читает, что собирается прочитать, — как будто это так важно дочери. Явно темы писем кем-то регламентированы.

С началом войны переписка оборвалась. Немцы наступали. 3 октября 1941 года захватили Орел. Видимо, к этому времени Варвары Николаевны Яковлевой уже не было в живых...

Смотрю на письма Варвары Николаевны, пытаюсь представить ее последние дни...

Хотелось бы закончить на оптимистической ноте. Но нет у меня ее, этой ноты. И нужна ли она?..

ВАЛЕРИЙ ПРИВАЛИХИН.

Новосибирск — Томск.